

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Соловей

«Public Domain»

1929

Куприн А. И.

Соловей / А. И. Куприн — «Public Domain», 1929

«На днях я рылся в бумажном мусоре, отыскивая какой-то неважный документ, и – вот – нашел эту фотографическую группу, которая лет уже девять как не попадалась мне на глаза, и я о ней забыл окончательно. Почему-то теперь, глядя на нее, я вздохнул так глубоко, так нежно и так грустно...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Соловей

На днях я рылся в бумажном мусоре, отыскивая какой-то неважный документ, и – вот – нашел эту фотографическую группу, которая лет уже девять как не попадалась мне на глаза, и я о пей забыл окончательно.

Почему-то теперь, глядя на нее, я вздохнул так глубоко, так нежно и так грустно.

Это было еще до великой войны, в первой половине мая. Я жил тогда в Северной Италии в маленьком курорте Сальцо-Маджиорэ. Теперь туда, по ценам, нет доступа людям даже очень богатым, а в то время в гостинице «Сперанца»¹ я платил восемь итальянских лир за милую светлую комнату и за все остальное, вплоть до вина, хотя вино пить было невозможно по причине его крепости, горечи и кислоты.

Диковинное было это местечко Сальцо-Маджиорэ. Ехать в него нужно было из Милана на Борго-Сан-Донино, часа три по железной дороге, а оттуда верст шесть на лошадях.

Как только на станции Борго-Сан-Донино вы садились в коляску и трогались, как уже ясно ощущали запах иода, который постепенно делался гуще и крепче. Это пахнут йодистые источники, которые здесь пропитали всю почву и носят славное наименование: Аква-Мадрэ, Вода-Мать. Потом к этому постоянному запаху так привыкаешь, что совсем не замечаешь его.

«Материнская вода» употреблялась разнообразно: ее пили, из нее делали теплые ванны; в большой зале, насыщенной ее парами, пациенты могли писать, читать, пить кофе или просто лежать на лонгшезах, проходя в то же время курс лечения. Но особенно высокой репутацией пользовались в Сальцо-Маджиорэ йодистые ингаляции: вдыхание йодистой воды, обращенной пульверизаторами в воздушную пыль. Давно уже стало известным, что эти ингаляции творят истинные чудеса при горловых болезнях, при усталости горловых связок и при поражении дыхательных путей. Оттого-то Сальцо-Маджиорэ и был тем лечебным местом, куда на летнее время стекались все хоть мало-мальски известные певцы и певицы. Знаменитости непременно посещали его ежегодно. И у всех этих тенор ди грация, тепор ди форца, баритон ассолото, басса-профондо и басса-нобиле, у всех сопрано лирических, драматических и колоратурных и у всех бархатных контральто был один неписанный, даже неугворенный завет: все они в течение курортного времени не издавали ни одного звука; они избегали даже говорить громко, ограничиваясь слабым томным полупшепотом.

В пансионе «Сперанца» нас жило трое русских. Один из них, с которым я приехал из Петербурга, был синьор Джакомо Чирени, он же клоун Жакомино, артист, который так завидно был любим петербургской детворой, что в игрушечных магазинах называли рождественских плюшевых обезьянок не иначе как Жакоминками. Это дети так научили взрослых: «Мама, купи мне Жакоминку...» И это ли не подлинная, чистопробная слава?

Другого русского мы уже застали в нашем пансионе. Он приехал за несколько дней перед нами. Это был Джиованни Страпула, когда-то солист в итальянской капелле Граменья, тот самый знаменитый Джиованни, чьими неаполитанскими канцонеттами восхищался весь Санкт-Петербург, несмотря на то что эти резвые прелестные песенки бывали порою совершенно неприличными. Он точно не имел возраста. Как петербургские старожилы, так и петербургские юнцы видели его всегда одним и тем же плешивым а морщинистым стариком, низеньким, крепким и веселым. И голос его – необыкновенно высокий блестяще-белый тенор –

¹ «Надежда» (*om um. speranza*)

никогда не знал ни порчи, ни следов утомления; друзья в шутку не раз его спрашивали: «Правда ли, Джиованни, что вы пели еще в ватиканской капелле папы Сикста Пятого?»

И он неизменно отвечал: «Ти все вриошь, бабушка (он величал бабушками одинаково: мужчин и женщин, старых и молодых). Ти вриошь. Я бил два раза жената».

И как же мне не называть этих двух милых итальянцев русскими, если они и до сих пор спрашивают меня в письмах или при встречах:

– Синьор Алессандро, когда же ми вернуйь домой, на наша Россия?

Ах, было, было в душе нашей варварской, нашей отсталой, нашей некультурной, нашей старорежимной родины какое-то могучее очарование, которое пленяло и акклиматизировало души коренных иностранцев, чему доказательство – многие сотни известных имен и тысячи неизвестных.

Мы жили в нашей «Надежде» очень дешево, дружно, беззаботно, весело. Они играли азартно в «окопу», пели, брэнчали на гитарах. Я учился итальянскому языку, переводя Стеккети и Кардуччи с помощью словаря. Итальянцы в ту пору были чрезвычайно общительны и легки на знакомство, и вскоре нашу столовую все чаще и чаще начали посещать друзья моих русских итальянцев, преимущественно из оперного мира. Промелькнул метеором, по дороге в Америку, необыкновенно толстый, по очаровательный Карузо, два или три раза пообедал с нами добрый, ласковый Джиральдони: вот уж к кому было бы удачно применено пушкинское словечко «из русских распрорусский». А потом как-то особенно прочно и надолго прижилась у нас прекрасная четверка: Ада Сари, Пинтуччио, Тито Руффо и кавалер Нанни – все первоклассные певцы с громкими именами, такие великолепные и недостижимые на сцене, в атласных и бархатных костюмах, с лапами, коронами, перьями, брильянтами и жемчужными ожерельями; такие простые, наивные, добродушные, доверчивые ребята в обыкновенной, будничной жизни.

Меню наших обедов были несложны; все традиционные итальянские блюда: министра, макарони, равиоли, иногда жесткий кусок мяса, жаренного на деревянном масле, с неизбежным салатом «финоки», лечебно пахнущим ипепекуаной. Мы, «русские», считали себя как бы хозяевами и потому старались по возможности разнообразить стол, покупая кое-когда фрукты, пирожное или бутылку кианти. В этих наших хозяйственных хлопотах ревностно и бескорыстно помогали нам два наших соседа по гостинице, торговавшие оптом: один марсалай, другой вермут. Мы с Жакомино так и называли их: папа Вермут и папа Марсала. Джиованни, конечно, называл их бабушками. Марсала и вермут подавались всегда на стол в изобилии... Виноторговцы были страстными меломанами.

Никогда мне не забыть одного удивительного дня.

Мы пообедали в нашей обычной табльдотной компании. Обед окончился поздно. После десерта многие разошлись. Остались только семь человек: трое нас, русских, и четверо итальянских певцов. Настал задумчивый тихий час. Смуглел и зеленел воздух за открытым окном; темнели листья кустов. Мы не заметили, в какой момент вечерняя звезда серебряным светом засияла, задрожала на зеленом небе. Точно она повисла на тончайшей невидимой нити... Сразу нежно и властно полился волшебный аромат каприфолий. Первые летучие светляки зачертили свои золотые быстрые полукруги. Мы молчали, боясь нарушить очарование вечера.

И вдруг в палисаднике, в кустах жасмина, в пяти шагах от нас, сначала осторожно, недоверчиво запел соловей. Конечно, он пел не так, как, например, поют наши курские соловьи, но, несомненно, чувствуя, что его внимательно слушают тонкие знатоки пения, он старался от всей своей маленькой души. Так он пел минут пять, потом закончил высоким, высоким чистым звуком и замолчал. Настала пауза. Среди тишины раздался голос Джиованни:

– Какой тон?

И сразу все четыре большие певчие птицы всполошились:

– До... до-диез... Си... до-диез... До...

Ада Сари побежала к пианино и часто застучала по одной клавише:

– Я же говорила вам, что чистое до!

Но – баритон и кавалер – Нанни авторитетно сказал:

– Инструмент не темперирован. Соловей взял четверть тона, Это ни до, ни до-диез, а среднее между ними.

Зажглось электричество, и мгновенно погасла сказка. Но, однако, вот что случилось.

Бывает так, что несчастный привычный пьяница, по зароку или по приказу врачей, бросит совсем пить вино и долго, мужественно держит свое слово. Но как-то за обедом неосторожно дали ему сладкий пирожок с сабайоном, в котором была лишь одна капелька рома, и – вот загулял, завертелся подвижник, ударился во все тяжкие, и пошел насмарку его великий, тяжелый подвиг.

Почти то же произошло на моих глазах с великими певцами. Они сразу оскормились. Никто из них уже не жалел столь бережно своих голосовых связок. Тито Руффо с увлечением рассказывал о своих гастролях в Петербурге и Москве. Он изумительно имитировал пение Шаляпина, Тартакова и Леонида Яковлева: их тембры, их манеру давать голос, их своеобразные приемы, их жесты... Поздним вечером мы сидели на веранде лучшего кафе, пили «Лакрима-Кристи», болтали и хохотали. Наступала уже ночь, и все черное небо усеялось крупными южными звездами, когда мы (честное слово – и я в том числе) запели прекрасную народную песенку: «О прекрасная садовница». Вот она в приблизительном переводе:

О прекрасная садовница, Мать всех цветов, Сделай мне букет Из всех трех красок:

Зеленой и белой И красной, конечно.

Да здравствует Италия и Свобода!

E viva Italia e la Liberia!

Надо сказать, что эта песенка была в то время революционной и, следовательно, запрещенной.

Двое нарядных карабинеров (они всегда ходят по двое) подошли к нам, и старший сказал:

– Синьора, и вы, синьоры. Вы поете прекрасно, но эту песню петь публично не полагается, а потому, ввиду позднего времени, я попрошу вас разойтись по домам, если не хотите, чтобы я переписал ваши имена...

Мы разошлись, но еще долго, по несколько раз прощались, провожали друг друга, и снова прощались, и снова провожали, а за нами упорно и молча ходили нарядные карабинеры. Подняв руку кверху и потрясая ею, кричал прославленный баритон:

– Пишите мне, друзья мои, пишите. Адрес простой: Roma, villa Tito Ruffo².

1929

² Рим, вилла Тито Руффо (ит.)